

УЮТНЫЙ ДЕТЕКТИВ • КНИГА 1  
**МЁРТВЫЙ СЕЗОН**  
**В СНТ «РОМАШКА»**



**Надежда Чародейская**

# Надежда Чародейская

## Мёртвый сезон в СНТ "Ромашка"

*<https://litres.ru/74500972>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Запертая изнутри баня. Мёртвый председатель. И огурец, которого не должно существовать.

В СНТ «Ромашка» — ЧП: председателя Пасечника нашли мёртвым в бане, запертой изнутри. Несчастный случай? Как бы не так: в кружке — квас, который покойный на дух не переносил, на тарелке — надкушенный огурец, а огурцы в мае поспели лишь в трёх теплицах посёлка. Одна из них — её собственная.

Судья в отставке Алевтина Павловна Крапивина берётся за дело. В её команде — внук-хакер, бессонный сосед с биноклем и рыжая Пальма. А камера на въезде в ночь убийства зафиксировала человека, которого не может быть: однокурсника Алевтины Павловны, умершего пять лет назад.

Тёплый, смешной и очень человечный детектив о дачной жизни, соседях и справедливости, которую приходится делать своими руками.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| ПРОЛОГ. БАНЯ                      | 4  |
| ГЛАВА 1. СУДЬЯ В ОТСТАВКЕ         | 12 |
| ГЛАВА 2. ОДИННАДЦАТЬ ОГУРЦОВ      | 19 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 31 |

# Надежда Чародейская

## Мёртвый сезон в СНТ "Ромашка"

### ПРОЛОГ. БАНЯ

*СНТ «Ромашка», 9 мая, 7:12 утра*

Председатель правления Григорий Матвеевич Пасечник мёртвым выглядел недовольным. Впрочем, живым он выглядел так же — разница была лишь в том, что теперь его недовольство наконец-то никого не касалось.

Утро 9 мая выдалось ясным и холодным — из тех майских утр, когда туман стоит над Усманкой белой стеной, роса лежит на грядках тяжёлой россыпью, а сирень пахнет так, что кружится голова. Петух Филимоновых прокукарекал — фальшиво, как всегда, — и тут же, словно устыдившись, замолчал. Где-то на Садовой включили радио: передавали парад. Пахло дымком, свежескошенной травой и праздником. Обычное утро «Ромашки». Последнее обычное утро.

Посёлок просыпался празднично. Филимонов вешал на забор флаг и портрет деда-фронтовика — ровно, по ниточке, как всё, что он делал. Пацаны с Речной уже сговаривались на рыбалку — «после парада, на пруд, там карась пошёл!».

Над тремя участками курились первые мангалы: шашлыки замариновали с вечера, как положено. Сазонов, не спавший, как всегда, с четырёх, поливал редиску и записывал в журнал погоду. Всё было как всегда. Всё было хорошо. Ровно до семи двенадцати.

Тётя Рая вышла за водой в половине седьмого. Вода ей нужна была особенная — речная, мягкая, «живая»: для браги. Брагу тётя Рая ставила на вишне, по рецепту покойной матушки, и брага эта славилась на все шесть улиц — впрочем, как и всё остальное, что выходило из Раиных рук: квас с хреном, пирожки с капустой и новости, скороспелые и горячие. Муж Раи, шофёр, умер давно, дети жили в Воронеже, и всю свою неуёмную энергию Рая вкладывала в хозяйство, соседей и Пальму. Жила она на Центральной, в трёх домах от Пасечников, а тропинка к речке шла как раз мимо их участка — мимо бани, мимо поленницы, мимо всего.

Пальма — рыжая дворняга с белой грудью и серьёзным взглядом — трусила рядом, обнюхивая заборы. У бани Пасечников Пальма вдруг остановилась, подняла морду и тихо, неуверенно заскулила.

— Ты чего? — Рая остановилась тоже. — Пальма, ты чего скулишь? Мышь почуяла?

Баня Пасечников стояла в глубине участка — рубленая, ладная, с предбанником и поленницей под навесом. Дверь предбанника была приоткрыта. Изнутри тянуло холодом — тем особенным, банным холодом остывшей каменки, кото-

рый ни с чем не спутаешь.

— Матвеич? — позвала Рая. — Гриша! Ты тут?

Тишина. Пальма заскулила громче и попяtilась.

Рая толкнула дверь и вошла в предбанник. На лавке — аккуратно сложенная одежда: рубаха, брюки, носки комочком. Всё ровненько, как по линейке. А дверь в парилку — закрыта.

— Гриша! — Рая постучала. — Ты живой там? Гриша!

Молчание. Такое полное, такое окончательное молчание, что у Раи вдруг заколотилось сердце. Она подёргала дверь — заперта. Изнутри. Она приложила ухо — ничего. Ни всплеска, ни вдоха, ни пара под дверью.

И тут Рая сделала то, что сделала бы любая соседка на её месте: обошла баню, подтащила чурбак к поленнице, влезла наверх и заглянула в окно. Окошко было маленькое, под потолком, приоткрытое на ладонь. Рая приподнялась на цыпочки, прилипла к стеклу — и увидела.

Пасечник сидел на полке, прислонившись к стене, в простыне и с веником в руке. Веник был дубовый. Пасечник всегда говорил, что берёзовые — для слабаков. Рядом на лавке стояла кружка с недопитым квасом и лежала тарелка с надкусанным огурцом. Глаза его были закрыты. Лицо — спокойное. И недовольное. Как всегда.

— Ох ты ж, Матрёна... — сказала тётя Рая.

Она слезла с поленницы — как, сама не помнила, — отряхнула подол и побежала. Сначала — к Алевтине Пав-

ловне («ты ж судья, ты знаешь, чего делать»). Потом — к участковому («Стёпа, беда! Пасечника-то нашего! В бане! Насмерть!»). Потом — ко всем остальным. Телефонное дерево «Ромашки» сработало безотказно: через десять минут знали все шесть улиц.

Алевтина Павловна прибежала первой — в фартуке поверх халата, в галошах, с вилами, которые схватила машинально и про которые тут же забыла. Судейская выучка сработала раньше страха: не трогать, не впускать, смотреть.

— Рая, отойди от двери. Никого не впускать. Пальма, сидеть. — Она осмотрела предбанник: одежда сложена аккуратно — человек раздевался сам, не спеша, никто его не ташил. Пощупала каменку через дверь — холодная. Давно остыла. Топили ночью. — Рая, а ну-ка поддержи чурбак. Я посмотрю.

— Павловна, ты куда?! Ты ж... ты ж судья!

— Судьи тоже смотрят в окна, Рая. Держи крепче.

Судья в отставке на поленище — зрелище, которое «Ромашка» запомнила надолго. Алевтина Павловна прилипла к стеклу и долго, внимательно смотрела: поза, простыня, венник в руке, кружка, тарелка. Огурец. Она смотрела и запоминала — всё, до последней крошки на тарелке. Замечать всё. Выводы — потом.

Она слезла, отряхнула халат и сказала:

— Рая. Слушай меня. Туда никто не входит. Ни одна душа. Пока Стёпа не приедет. Поняла?

— Поняла, — прошептала Рая. — Павловна... Он... того?  
— Того, Рая. Того.

Участковый Кочергин прибыл на велосипеде и в тапочках — китель поверх домашней рубахи, фуражка набекрень. Толпа — а собралось уже человек десять — встретила его гулом:

— Стёпа! Ну чего там?! Чего стряслось-то?!

— Дядя Стёпа, а вы чего в тапочках? — спросил пацан с Речной.

— Я всегда на посту, — важно ответил Кочергин, слезая с велосипеда. — Даже в тапочках. А ну-ка, граждане, разойдись! Дайте должностному лицу работать! Что тут у нас, Павловна?

— Баня. Заперто изнутри. Председатель. Мёртвый.

— Та-ак... — Кочергин осмотрел дверь, подёргал, заглянул в скважину, потрогал щеколду через щель. — Заперто было изнутри. Стало быть, несчастный случай. Сердце. Жара. Возраст. Дверь вскрывать будем. Филимонов! Ты понятой будешь! И... Сазонов! Петрович, ты тоже! Где Петрович?

— Здесь я, — агроном-пенсионер Сазонов подошёл с биноклем на шее. — Я и так всё видел. Но послушать пришёл. Дверь вскрыли монтировкой — хлипкая была дверь, поддалась сразу. Кочергин вошёл первым, Алевтина Павловна — второй. Понятые мялись на пороге.

Внутри всё было так, как виделось через окно: Пасечник

на полке, простыня, дубовый веник, кружка с квасом, тарелка с надкусанным огурцом. Кочергин потрогал щеколду — накидной крючок, изнутри, — покачал головой и повторил: — Заперто изнутри. Несчастный случай. Сердце. Жара. Возраст. Девятое мая, в бане... Расходимся, граждане, не толпимся.

— Стёпа, — сказала Алевтина Павловна, не повышая голоса. Так она говорила в зале суда, после чего даже рецидивисты начинали вести себя прилично. — А ну-ка отойди от огурца.

— Чего?

— Огурец, говорю, не трогай. И квас не трогай. И вообще ничего не трогай, пока городские не приедут.

— Да какой огурец, Павловна! Человек помер! Девятого мая! Может, накануне перебрал — праздник всё-таки...

— Пасечник не пил четыре года. Печень. Весь посёлок знает, один ты не знаешь.

Алевтина Павловна подошла ближе, достала из кармана фартука очки и осмотрела тарелку — так, как двадцать три года осматривала вещественные доказательства. Наклонилась к кружке. Понюхала. Подняла брови.

— Значит, так, Стёпа. Слушай и запоминай. Первое: квас в кружке — с хреном. Это Раин квас, у неё одной такой на всю «Ромашку». Пасечник Раин квас на дух не переносил — говорил, от него «утроба горит». Второе: огурец надкусен, но Пасечник огурцов не ел — у него от них изжога, он сам на

сходе кричал, когда взносы на теплицу собирали. Третье... — она подняла глаза на участкового. — Огурцы ещё ни у кого не поспели, Стёпа. Девятое мая на дворе. Откуда огурец?

Над толпой — а к восьми утра у бани собрались пол-«Ромашки» — пронёсся гул. Шесть улиц задумались об одном и том же: у кого в теплице уже пошли огурцы? Теплиц с подогревом в посёлке было ровно три. И все знали, чьи.

— Ой, мамочки... — прошептала тётя Рая. — Это ж получается... его... того?

— Его — того, — подтвердила Алевтина Павловна. — Вопрос только — кто. И как вышел из запертой бани.

Она обвела взглядом толпу. Двадцать человек. Соседи. Люди, с которыми она тридцать лет делила воду, дорогу и урожай. Филимонова причитала в голос и одновременно отгоняла внуков от бани: «Кыш отсюда! Малым тут не место!» Пацаны с Речной, разумеется, никуда не уходили — такое раз в жизни бывает. Сазонов смотрел в бинокль — непонятно зачем, до бани было десять шагов. Эдуард с Прудовой стоял в спортивном костюме, хмурый, руки в карманах, и молчал. Бородатый дауншифтер с Садовой — тот, что съехал из Москвы «к земле», — стоял с кружкой чая и тоже молчал, только головой качал. А в сторонке, отдельно от всех, стояла Галина — вдова. Спокойная. В чёрном платке. Она не плакала. Пока — не плакала.

— Допродавался, — буркнул кто-то в толпе. — Пруд-то наш! Общий!

— Тихо! — прикрикнул Кочергин. — Без самодеятельности! Следствие разберётся!

Алевтина Павловна отметила и бурчание, и голос — машинально, в копилку. А вслух сказала:

— Граждане. Пока городские едут, попрошу никого не разъезжаться. Тимофей!

— А? — внук, приехавший на праздники и разбуженный шумом, стоял в толпе в тапочках и с телефоном. Он снимал. Разумеется, он снимал.

— Ты хвастался, что камеру на въезде починил и записи хранятся. Скачай мне сегодняшнюю ночь. С трёх до семи.

— Ба, это вообще-то... ну ладно, — Тимофей зевнул. — А чего ищем?

Алевтина Павловна посмотрела на баню, на толпу, на огурец, убивший в ней веру в несчастные случаи, — и сказала:

— Человека, которого здесь не должно было быть.

# ГЛАВА 1. СУДЬЯ В ОТСТАВКЕ

Алевтина Павловна Крапивина вышла в отставку три года назад, и все три года соседи по «Ромашке» жили как за каменной стеной: кому межу перемерить, кому завещание растолковать, кому зятя приструнить одним взглядом. Взгляд у Алевтины Павловны остался судейский — после него хотелось говорить правду и садиться ровно.

А начиналось это утро так же, как все предыдущие три года. В шесть — подъём. В половине седьмого — полив. Алевтина Павловна шла по дорожке с лейкой, здоровалась с вишней («здравствуй, моя хорошая, как перезимовала?»), проверяла пионы (лезут!), редиску (уже можно рвать!), укроп (рассеялся сам, нахал). Теплицу она не считала, нет, — просто любовалась: огурчики пошли третьего дня, пупырчатые, с чёрными шипами, наглые, а рядом зеленела рассада помидоров «Бычье сердце», которую Сазонов отсыпал по-соседски. Потом — крыльцо, самовар, радио. Парад. Праздник. Блины она собиралась печь к восьми, когда Тимоша проде-рёт глаза. Шашлыки в этом году не планировались — шашлыки были вотчиной Раи («у неё маринад, у неё руки, у неё Пальма объедки сторожит»), а Рая звала всех к себе после обеда. Всё шло по плану. Пока не позвонила Рая.

Муж, Павел, умер восемь лет назад — сердце, внезапно, во сне. Учитель физики, тихий, смешливый, он всю жизнь

говорил: «Бэллка, ты у меня справедливость, а я — погрешность». Фотография его стояла на комодe — молодой, в очках, с указкой. Алевтина Павловна иногда разговаривала с ней. Вслух. Что поделаешь — тридцать лет вместе, привычка.

— Ну вот, Павел, — сказала она фотографии в то утро. — Девятое мая. Тимоша спит, бездельник. Блины буду печь. А ты бы сейчас за грибами собирался. Скажи? Молчишь. Ну молчи.

Дочь Ирина с мужем укатили на праздники в Турцию — «мама, all inclusive, ты не представляешь!» — а Тимошу, семнадцатилетнего, «сбагрили бабке». Тимоша не возражал: у бабки — воздух, вишня, погреб с закрутками и, главное, никто не заставляет готовиться к ЕГЭ вслух. Он спал в большой комнате до упора, в наушниках, обняв телефон, — и видел сны, в которых, надо полагать, тоже был телефон.

Накануне вечером Тимофей показывал бабке своё творение — смешную карту СНТ для поселкового чата. Участки были подписаны от руки: «Обсерватория» — Сазонов, «Посольство кваса» — Рая, «Верховный суд» — бабка, а дом Эдуарда на Прудовой значился как «Замок Кощея».

— Тимоша! — Алевтина Павловна смеялась так, что чай расплескала. — Эдуард тебя за это из чата выгонит!

— Уже выгнал. Вчера. — Тимофей вздохнул с достоинством мученика. — Но карту успели скачать все. Даже Сазонов. Он сказал: «Обсерватория — это точно». Ба, а давай

я камеру на въезде... ну, я её в апреле починил, помнишь? Там записи неделю хранятся, на старом ноутбуке. Я из него видеорегистратор сделал. Круто, да?

— Круто, — сказала бабка. Кто же знал, что через двенадцать часов эта камера станет главным свидетелем по делу об убийстве.

В семь позвонила Рая. Крик её Алевтина Павловна запомнила на всю жизнь:

— Павловна! Пасечника-то нашего! В бане! Насмерть!

А дальше было то самое утро: предбанник, поленница, кружка, огурец. А теперь, стоя у бани среди гула толпы, Алевтина Павловна думала о двух вещах.

Первое — о пруде.

Пасечник действительно собрался продать общий пруд. Пруд был старый, ещё колхозный, с карасями, кувшинками и мостками, с которых три поколения «Ромашки» прыгало в воду. Покупатель — «какие-то городские», сумма — «всем хватит на новую дорогу». Сход проголосовал против. Алевтина Павловна помнила тот вечер в правлении как сейчас: духота, крики, Пасечник за столом — красный, непреклонный. Филимонов кричал про карасей. Сазонов — про экосистему и «водный баланс». Рая — про то, что она в этом пруду купалась, купается и купаться будет. Филимонова — про внуков, которым «негде будет плавать». А Пасечник стучал по столу чёрной тетрадью — он всегда таскал её с собой, эту тетрадь в коленкоровом переплёте, — и гремел: «У меня всё

записано! Все должники у меня вот тут! Взносы недоимщики! Вода мимо счётчика! А пруд — я председатель, мне решать!» Эдуард с Прудовой сидел в последнем ряду и молчал — единственный молчал, и это Алевтина Павловна отметила ещё тогда. А Галина сидела в углу и тоже молчала. Она всегда молчала.

Сход разошёлся ни с чем — проголосовали против, Пасечник сказал «мне решать», все разошлись злые. Ему кричали вслед всякое. Кричали многие. Очень многие.

Второе — об огурце.

Огурцы с подогревом в «Ромашке» выращивали трое: агроном-пенсионер Сазонов с улицы Вишнёвой, московский коттеджник Эдуард с Прудовой и... она сама, Алевтина Павловна. Её тепличка дала первые огурчики третьего дня. Двенадцать штук. Она их пересчитывала вчера вечером. Двенадцать.

«Надо будет пересчитать ещё раз», — подумала она — и тут же одёрнула себя. Глупости. Её огурцы — в её теплице. Хотя... калитка у неё не запирается с прошлого лета...

Взгляд её скользнул по толпе и остановился на Галине. Вдова стояла в сторонке, отдельно от всех, в чёрном платке. Не причитала, не голосила — стояла тихо, прямо, сложив руки. Сухие глаза.

Алевтина Павловна отвела взгляд и тут же одёрнула себя. Двадцать три года в суде научили её: горе у всех разное. Одни кричат, другие каменеют. Сухие глаза — не улика. Не до-

казательство. Ничего.

И всё же она запомнила. Профессиональная привычка: замечать всё. Выводы — потом.

— Ба! — Тимофей подёргал её за рукав и сунул под нос телефон. — Гляди. Камера на въезде. Четыре сорок семь утра. Я скачал, как ты велела. Там, кстати, качество такое себе, но лицо видно. Я же говорил — я её в апреле починил, там матрица старая, но ночью фонарь помогает...

— Тимоша. Показывай. И поменьше слов.

Алевтина Павловна взяла телефон. На зернистой чёрно-белой записи по главной улице «Ромашки» шёл человек. Шёл уверенно, не таясь, прямо под фонарём. В четыре сорок семь утра. Девятого мая. За два с половиной часа до того, как Рая нашла тело.

— А ну-ка увеличь, — сказала она. — Лицо. Давай лицо.

Тимофей увеличил. Лицо было видно отчётливо — камера висела удачно, фонарь светил прямо. Мужчина лет шестидесяти. Лоб. Нос с горбинкой. Ямочка на подбородке.

Алевтина Павловна знала это лицо. Знала тридцать лет. Оно висело у неё в коридоре на фотографии выпуска юрфака. Оно принадлежало человеку, который умер пять лет назад и был похоронен на Коминтерновском кладбище в присутствии самой Алевтины Павловны.

— Этого не может быть, — сказала она вслух.

— Чего не может быть? — заинтересовался Тимофей. — Ба, ты его знаешь? Кто это?

Алевтина Павловна сняла очки, протёрла их краем фартука — медленно, как делала всегда, когда надо было выиграть время. Руки её не дрожали. Почти.

— Покойник, Тимоша. По нашей улице в пять утра шёл покойник. И шёл он, судя по направлению... — она прикинула ракурс камеры. — ...прямо к бане Пасечника.

— Офигеть, — сказал внук. — Ба, это... это надо Кочергину показать! И... и вообще!

— Никому, — отрезала Алевтина Павловна. — Пока — никому. Ни Кочергину, ни Рае, ни... Понял? Никому ни слова. Скачаешь запись, сохранишь в трёх местах. И молчишь. Это важно, Тимоша. Очень важно.

— Понял, — внук посерьёзnel. — Ба... А кто это?

— Чего это вы там шушукаетесь? — Кочергин, говоривший по телефону с городскими, вдруг обернулся. — Павловна! Чего внук тебе показывает?

— Фотографии, Стёпа. Внук мне фотографии показывает. Внуков. То есть... — Алевтина Павловна поправилась с достоинством: — Правнуков у меня пока нет, так хоть фотографии посмотрю. Ты с городскими договорил? Когда будут?

— Сказали — после обеда. Следователь Глебов. Строгий мужик, говорят. — Кочергин снова уткнулся в телефон, а Алевтина Павловна выдохнула. Впервые за утро — выдохнула.

Она не ответила внуку, кто этот человек. Потому что думала о чёрных зонтах, о дожде пять лет назад, о речах у мо-

гилы. И о том, что огурцы — это ерунда. И квас с хреном — ерунда. А вот покойники, разгуливающие по СНТ в пять утра...

С этим надо было разобраться.

Где-то за забором закукарекал петух. Толпа гудела. Кочергин говорил по телефону с городскими и потел. А судья в отставке Алевтина Павловна Крапивина поняла, что дачный сезон в этом году будет особенным.

## ГЛАВА 2. ОДИННАДЦАТЬ ОГУРЦОВ

Мысль об огурце не давала Алевтине Павловне покоя. Даже там, у бани, среди гула толпы и причитаний тёти Раи, она думала о своей теплице. О двенадцати огурчиках сорта «Муромский», которые пересчитала вчера вечером. Двенадцать. Она точно помнила: двенадцать.

— Тимоша, — сказала она внуку. — Стой тут. Никуда не уходи. Смотри в оба. Если что — звони.

— А ты куда?

— Огурцы считать.

— Ба! — Тимофей вытаращил глаза. — Там труп, а ты — огурцы?!

— Вот именно, — сказала Алевтина Павловна. — Там труп. А огурцы — тут. И что-то мне подсказывает, что это связано.

До её участка было пять минут ходу — с Центральной на Вишнёвую, мимо правления, мимо Филимоновых. Клавдия Филимонова, развешивавшая бельё, окликнула её через забор:

— Павловна! Правда, что ли?! Пасечника-то?! На-смерть?!

— Правда, — сказала Алевтина Павловна на ходу. — По-

том, ладно? Потом всё расскажу.

— Ох ты ж... — Филимонова всплеснула руками. — А шашлыки-то?! Мы ж маринад... Ой, да какие шашлыки... Горе-то какое...

У правления толпились трое: дед Михеич с Речной, Колька-рыбак и дачница в панаме. Завидев Алевтину Павловну, все трое замолчали и проводили её взглядами.

— Павловна! — не выдержал Колька. — А правда, что его... того? Ну... убили?

— Следствие разберётся, Коля, — отрезала Алевтина Павловна. — А ты иди рыбу лови. И поменьше слушай.

— А я и не слушаю! Я сам говорю! — обиделся Колька. — Я говорю: это из-за пруда! Все говорят!

«Все говорят, — подумала Алевтина Павловна, сворачивая на Вишнёвую. — Все говорят — и все, может быть, правы».

Калитка, как обычно с прошлого лета, не запиралась — замок заржавел, а руки всё не доходили. Алевтина Павловна толкнула её, прошла к тепличке и встала на колени перед грядкой. Так, в фартуке и с вилами наперевес, её и застал бы любой вор. Но вора, конечно, уже не было.

Она считала медленно. Дважды.

Одиннадцать.

Вчера было двенадцать. Сегодня — одиннадцать. Двенадцатый был срезан — аккуратно, садовым ножом, наискосок. Не сорван второпях, а именно срезан. Умеючи.

Алевтина Павловна села прямо на дорожку и сняла очки. Руки слегка дрожали — не от страха, а от азарта, который она не испытывала уже три года, с последнего громкого процесса.

— Значит, так, — сказала она вслух пустой теплице. — Кто-то ночью зашёл в мою калитку, срезал мой огурец и отнёс его в баню к Пасечнику. Вопрос: зачем? И второй вопрос, поважнее: откуда он знал, что Пасечнику понадобится огурец?

Она осмотрела землю — поливала вчера утром, к ночи подсохло, следов не разобрать. Осмотрела калитку — открыта, как всегда. Забор цел. Значит, вошли через калитку. Значит, знали, что не запирается. Значит — свой. Не чужак. Чужак полез бы через забор и нашуметь мог, а этот — как к себе домой.

«Свой, — подумала она, и от этой мысли стало холодно. — Кто-то из наших. Из шести улиц».

«Ладно, — подумала она, вставая и отряхивая колени. — Ладно. Разберёмся. Но сначала — внука кормить. Война войной, а блины по расписанию».

Блины она всё-таки испекла — к десяти, когда Кочергин разогнал толпу и Тимофей вернулся домой, голодный и полный впечатлений. Блины вышли румяные, с дырочками, со сметаной и прошлогодним вишнёвым вареньем. Тимофей ел и рассказывал:

— Ба, там такое! Филимонов говорит — это городские!

Из-за пруда! А Сазонов говорит — Филимонов дурак, а из-за пруда — это точно. А Рая говорит — Пасечника отравили! Квасом! Моим... то есть её. Ба, а правда, что его отравили?

— Неизвестно, Тимоша. Вскрытие покажет. Городские после обеда будут. — Алевтина Павловна подлила чаю. — А скажи мне лучше: что в чате пишут? Ты же читаешь, хоть тебя и выгнали.

— Меня разбанили! Утром ещё! Ну, как увидели, что случилось... — Тимофей уткнулся в телефон. — Пишут разное. Соболезнуют. А Эдуард... Ба, Эдуард месяц назад в чате писал, что Пасечника судить надо! Что он мошенник! Я скрин помню! Показать?

— Показывай сейчас. Чего тянуть.

Тимофей сунул ей телефон. Скрин из поселкового чата, месяц назад. Эдуард: «Ты мне должен, Гриша. Верни. Похорошему прошу. Последний раз». Пасечник: «Эдуард, не устраивай цирк. Всё будет». Эдуард: «Цирк будет, когда я в суд подам. Мошенник». Дальше — Пасечник потёр сообщения, и все разошлись. Весь чат читал.

— Должен, — повторила Алевтина Павловна. — Интересно. Что должен? Сколько? За что?

— Не знаю. Дальше они в личку ушли. Ба, а это мотив? Ну, если должен?

— Долг — это всегда мотив, Тимоша. Запомни. Деньги, земля и любовь — три кита всех убийств. Так нам в университете говорили.

— А у нас тут и деньги, и земля! — внук загнул пальцы. — Пруд — это земля! Долги — это деньги! Осталась любовь! Ба, а у Пасечника была любовь?

— Ешь блины, Тимоша, — сказала Алевтина Павловна. Но в голове отметила: любовь. Вдова. Тридцать лет. Хм.

— И вот ещё что, — добавила она. — Никому — слышишь? — никому про запись с камеры. Это теперь наше главное. Понял?

— Понял, — внук понизил голос. — Ба... А это правда покойник? Ну, на записи?

— Правда, Тимоша. Самый настоящий. Который пять лет как умер. — Она помолчала. — Ешь. После обеда городские приедут — посмотрим, что они скажут.

В одиннадцать позвонила дочь — из Турции, где было всё включено и плюс двадцать восемь.

— Мама! У нас тут море! Ты не представляешь! А у вас как? Тимоша не балуется?

— Тимоша не балуется, — сказала Алевтина Павловна, глядя в окно на теплицу. — Ирочка... У нас тут... председатель умер. Ночью. В бане.

— Мама! — дочь сразу посерьёзнела. — Мама, ты в порядке? Это... это не... ну...

— Пока неизвестно. Следствие разберётся. Ты отдыхай, дочка. У нас всё хорошо. Тимоша со мной. Целую. Папе... ну, папе привет передавай. Мысленно.

Положив трубку, Алевтина Павловна достала с полки Уго-

ловно-процессуальный кодекс — старый, затёртый, с закладками. Открыла наугад. «Осмотр места происшествия...» Она усмехнулась. Осмотр она уже произвела — через окно, с поленницы. Ладно. Городские приедут — произведут как положено.

Она полистала кодекс, почитала про понятых, про выемку — и поймала себя на том, что волнуется, как перед процессом. Три года не волновалась — и вот опять. «Старая школа, — сказала она себе. — Тебя в отставку проводили, а ты всё судишь».

Потом она сварила зелёные щи — майские, со щавелем и крапивой, — пообедала в одиночестве (Тимофей ушёл «проветриться» и, разумеется, торчал у бани) и стала ждать городских. Ждать она умела. Двадцать три года в суде учат ждать.

Городские приехали в третьем часу — две машины, следователь, эксперт с чемоданчиком и водитель. Следователь оказался молодым, подтянутым и вежливо-снисходительным — из тех, кто говорит «бабушка» людям с двумя высшими образованиями.

— Граждане, расходимся, не мешаем следствию, — объявил он. — Бабушка, и вы тоже...

— Я вам не бабушка, молодой человек, — сказала Алевтина Павловна. — Я Крапивина. Федеральный судья в отставке. Двадцать три года стажа, из них девять — по уголовным.

Следователь — капитан Руслан Глебов, как он представился через секунду, заметно изменив тон, — осмотрел её с новым интересом:

— Виноват, Алевтина Павловна. Будем знакомы. Что тут у нас?

— У нас тут, Руслан Андреевич, председатель правления в бане, запертой изнутри. Квас, который он не пил. Огурец, которого не должно существовать. И термос, которого нет.

— Термос? — насторожился Глебов.

— Красный термос. Пасечник без него в баню не ходил — у него диета, печень, он пил свой чай с чабрецом. Весь посёлок знает. А на лавке — только кружка с квасом. Спросите вдову.

Осмотр длился два часа. Эксперт снял отпечатки с кружки, забрал тарелку с огурцом в пакетик, осмотрел щеколду, окно, поленницу. Фотографировал много — вспышка сверкала из бани, как зарница. Глебов ходил вокруг, задавал вопросы, записывал. Кочергин следовал за ним тенью и на каждый вопрос отвечал: «Так точно!» или «Никак нет!»

— Окно приоткрыто, — заметил Глебов, светя фонариком. — Маленькое, под потолком. Взрослый не пролезет. Ребёнок — может. Хм.

— Форточка, — сказал Кочергин. — В банях всегда форточки. Для пару.

— Для пару, — повторил Глебов и записал. Алевтина Павловна тоже записала — мысленно. Приоткрытое окно

при запертой изнутри двери. Интересно. Очень интересно.

Понятых — Филимонова и Сазонова — Глебов допросил тут же, у бани, коротко: что видели, когда пришли. Филимонов мялся и говорил: «Ну... лежал... ну...», а Сазонов отвечал чётко, как по журналу, — он, собственно, по журналу и отвечал.

— Дверь вскрывали? — спросил Глебов, осматривая косяк.

— Вскрывали, — сказал Кочергин. — Утром. При понятых. Филимонов и Сазонов. Заперта была изнутри, на крючок. Я сам трогал.

— Понятые где? Допросим. Тело — в морг. Вскрытие завтра. — Глебов повернулся к Алевтине Павловне. — Предварительно — сердце. Перегрев, возраст, баня. Но квас и огурец... хм. Проверим. Всё проверим, Алевтина Павловна.

Тело увезли. Вдова, Галина Пасечник, стояла в сторонке — спокойная, в чёрном платке, с лицом человека, который уже всё решил. Пятьдесят восемь лет, тридцать из них — замужем за председателем, в прошлом — медсестра детской поликлиники. Держалась она тихо и как-то... аккуратно. Алевтина Павловна, повидавшая за судебскую жизнь сотни вдов — и настоящих, и притворных, — отметила это машинально. Профессиональная привычка: замечать всё, выводы делать потом.

— Галина, — спросила она мягко. — А где Гришин термос? Красный?

— Не знаю, — вдова покачала головой. — Дома нет, я смотрела. Может, он... в бане оставил? Нет? Ну, значит, потерял где-то. Он в последнее время рассеянный был.

— Рассеянный? — переспросила Алевтина Павловна. Председатель Пасечник и рассеянность сочетались примерно как тётя Рая и трезвость.

— Ну да. Спал плохо. Вставал ночами. Всё говорил: «дел по горло, Галя, дел по горло». И сердце, говорил, пошаливает.

— А ночью он... ну... — Алевтина Павловна подбирала слова. — Ты ничего не слышала? Он вставал?

— Вставал, — Галина кивнула. — Он часто вставал. Выйдет, походит... Я спала. Я сплю крепко. Проснулась — его нет. Думала — в бане. Он иногда... по ночам... — она не договорила.

«По ночам — в баню? — подумала Алевтина Павловна. — Интересно. То есть ночные бани у него были в привычке?»

— Чаю? — вдруг предложила Галина городским. — У меня самовар горячий. Пирожки...

— Нет-нет, спасибо, — Глебов замахал руками. — Мы... мы поедем. Вызовем, если что. До свидания.

Городские уехали. Алевтина Павловна достала блокнот — настоящий, бумажный, судейский — и написала на первой странице:

*Дело №1. СНТ «Ромашка». Пасечник Г.М.*

А ниже — три фамилии. Три теплицы с подогревом. Три

человека, у которых в мае могли быть огурцы:

1. Сазонов П.И., ул. Вишинёвая (сорт «Зозуля»). 2. Эдуард, ул. Прудовая (голландские). 3. Крапивина А.П., ул. Вишинёвая (сорт «Муромский»). Минус один.

Она посмотрела на третью строчку, вздохнула и пошла по соседям. Начинать следствие Алевтина Павловна умела только одним способом — с чая.

Тётя Рая встретила её квасом — разумеется, с хреном, — пирожками и потоком новостей. В доме пахло брагой, тестом и геранью. Пальма дрыхла на коврике, подёргивая лапой во сне.

— Павловна, ты представляешь, Пальма-то моя ночью лаяла! В четыре часа, я на часы смотрела! Я ей кричу: «Пальма, цыц, люди спят!» — а она заливается, аж хрипит. Я уж думала — кобель через забор. А оно вона чего...

— Рая, — Алевтина Павловна отставила кружку. — А бидон с квасом где стоял ночью?

— Где всегда — у калитки, для своих. Утром гляжу — а квасу-то ubyло! На треть ubyло, Павловна! Я ж его полный наливала!

— Значит, кто-то ночью заходил в твою калитку, наливал квас и уходил. А Пальма лаяла.

— Выходит, так... Ой, мамочки! — тётя Рая всплеснула руками. — Это что же, убивец мой квас пил?! Мой квас — и убивец?!

— Или убивец твой квас в баню носил, — сказала Алев-

тина Павловна. — Рая, а Пасечник твой квас пил когда-нибудь?

— Да ни в жисть! Он говорил — отраву, утроба горит. Он только свой чай с чабрецом из термоса. Из красного.

Красный термос. Опять он.

— А скажи мне, Рая, как соседка... Кто на Гришу зуб имел? Вот честно. По-соседски.

— Да все имели! — Рая всплеснула руками. — Филимонов на сходе кричал: я тебя, Гриша, в твоём пруду утоплю! Сазонов из-за счётчика ругался — Гриша ему счётчик хотел переставить! Эдуард молчит, а деньги счёт любит — у них там с прудом какие-то дела! А городские, покупатели... Эти вообще неизвестно кто! Приезжали на чёрной машине, смотрели, пальцами тыкали! Павловна, страшно-то как! У нас тут убивцы, а у меня бидон у калитки!

— Бидон убери, — посоветовала Алевтина Павловна. — На время. И калитку запирай. И Пальму хвали — она у тебя молодец. В четыре утра чужого почуяла.

Агроном-пенсионер Пётр Ильич Сазонов, сосед через два дома, встретил её чаем с мятой, биноклем на подоконнике и журналом наблюдений — толстой тетрадью, куда он записывал всё: погоду, прилёты грачей, поведение соседских петухов и свет в чужих окнах. Бессонница в семьдесят четыре года превратила его в лучшую систему видеонаблюдения «Ромашки». В доме пахло книгами, мятой и старостью — хорошей, ухоженной старостью. На стене тикали ходики. Би-

нокль на подоконнике был цейсовский, ещё отцовский.

— Петрович, — сказала Алевтина Павловна, — что у тебя за прошлую ночь?

Сазонов надел очки, полистал журнал и прочитал скрипучим голосом:

— «Ночь с восьмого на девятое мая. 2:10 — петух Филимоновых прокукарекал фальшиво, вероятно, простужен. 4:28 — свет в бане Пасечников погас. 4:35 — хлопнула калитка, чья — не разглядел, темно. 4:50 — тень от бани в сторону лесополосы. Луна за облаками, подробнее не видел».

— Тень? Человек?

— Человек, Павловна. Шёл не по улице, а задками, через лесополосу. Кто — не скажу. Но походка... — Сазонов помолчал. — Походка не Гришина. Гриша ходил вразвалку, как утка. А этот шёл быстро. Спешил.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.